

УДК 800

ЭХО-КОНЦЕПТ В РЯДУ ДРУГИХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

М. А. Рябцева

THE ECHO-CONCEPT AMONG THE OTHER CONCEPTUAL PHENOMENA

M. A. Ryabtseva

В данной статье автор обращается к особенностям функционирования концептосферы английской усадьбы в сознании носителей языка. В качестве материала взяты тексты английской литературы XX века, принадлежащие значимым для этого периода авторам (И. Во и А. Мёрдок). Автор имеет целью предложить новый, «динамический» ракурс рассмотрения лингвокультурной концептосферы и новый термин «эхо-концепт», что позволяет расширить традиционные представления о внутренней структуре концептосферы.

In the given article the author addresses the peculiar functional features of the 'country house' conceptsphere in English native speakers' consciousness. The works of prominent English writers of the XX century (Evelyn Waugh and Iris Murdoch) are analyzed. The author's aim is to suggest a new "dynamic" viewpoint for studying the linguocultural conceptsphere and 'echo-concept' as a new term, thus expanding the traditional ideas of the inner structure of the conceptsphere.

Ключевые слова: концепт, антиконцепт, концептосфера, ценностный компонент, эхо-концепт.

Keywords: concept, anticoncept, conceptsphere, value component, echo-concept.

Многообразие дефиниций концепта, обусловленное неоднозначностью, семантической многоплановостью и глубиной самого определяемого явления, привело к тому, что некоторые исследователи стали относить его к «квазиметодологической категории» [8, с. 283]. Термин «концепт» относится к совокупности междисциплинарных (философия, лингвистика, филология, искусствоведение, социология, программирование) понятий, которые используются так широко, что понимается под ними подчас едва ли не всё, что угодно исследователю. Более того, выделяется целый ряд смежных понятий и терминов, которые нередко отождествляются с термином «концепт» – «понятие», «значение», «сигнификат» и др. Проблема их дифференциации – одна из самых сложных и дискуссионных в языкознании.

С другой стороны, наряду с термином «концепт» существует группа однокоренных терминов, таких, как «антиконцепт», «метапонятие», «концептосфера». Таким образом, проявляется склонность людей мыслить, с одной стороны, оппозициями, а с другой – относительными категориями. Образы и понятия в человеческом сознании не существуют сами по себе, а определяются через взаимоотношения их с другими объектами. Эта фундаментальная черта мироустройства запечатлена как в народной мудрости («всё познаётся в сравнении»), так и в одной из главнейших теорий XX века – теории относительности А. Эйнштейна.

Основополагающей компонентой культуры является образ мира, существующий в сознании носителей этой культуры. Слово языка отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое имеется в сознании носителя языка. При этом следует учесть, что человеческое сознание обусловлено не только личностными особенностями, но и коллективным окружением, и условиями жизни. С другой стороны, перемены, произошедшие в сознании индивида, со временем меняют мир вокруг него. Концепты являются образованиями динамического характера [4, с. 243] и подвержены постоянным изменениям, которые изначально

но обусловлены перестроением жизни общества, а в дальнейшем включается механизм «обратной связи»: импульс, полученный извне, преобразовывается и снова посылается в языковую реальность.

Двойственный характер окружающей нас действительности отражается в трудах многих мыслителей, начиная с античности (Платон, Чжу-Си, Гегель и др.). Гегелевская триада тезис – антитезис – синтез свидетельствует о том, что противоречие следует понимать как сложный феномен, который необходимо рассматривать в составе более глубокого понимания, т. е. мы имеем целостность, которая распадается на бинарные оппозиции, вместе вновь образующие целостность.

Наряду с такими терминами, как «антисептик» (в фармакологии), «антинейтрон» (в физике), «антигерой» (в искусствоведении), появился и термин «антиконцепт». М. Б. Ларина в диссертации «Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR)» [6] анализирует различные подходы к определению антиконцепта. Аффиксоид *анти-*, постоянно возникающий в терминологии самых различных научных областей, не обязательно означает нечто «плохое», наоборот «хорошему», замечает Ю. С. Степанов [9, с. 172]. Е. И. Гуреева определяет антиконцепт как «особое развитие исходного концепта, своего рода усложнённый концепт, не всегда прямо противопоставленный исходному, в содержании которого отрицаются (снимаются) некоторые значимые концептуальные признаки (при сохранении других) и заменяются (замещаются) новыми» [3, с. 18]. Языковой репрезентацией пары концепт – антиконцепт часто является пара антонимов.

Развитие антонимических отношений в лексике отражает наше восприятие действительности во всей её противоречивой сложности и взаимообусловленности. Контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, не только противопоставлены друг другу, но и тесно связаны между собой. В антонимические отношения вступают слова, соотносимые по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному,

пространственному – и принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия. Благодаря этим устойчивым связям, в системе языка антонимы воспринимаются на фоне своих семантических коррелятов, т. е., встречая то или иное слово, имеющее антоним, мы невольно сопоставляем эти взаимосвязанные слова.

В работах по когнитивной лингвистике концепты нередко рассматриваются в рамках коррелятивных отношений синонимии или антонимии. Однако следует учитывать, что подобные семантические корреляции при рассмотрении концептов являются только призмой, поскольку концепты принадлежат уровню языкового сознания, а не системе языка. Кроме того, в отличие от синонимов и антонимов, концептуальные корреляции имеют более субъективный характер.

В. И. Карасик считает, что можно говорить о понятии «предметный концепт...», если в языковом сознании он ассоциируется с культурно значимыми смысловыми рядами» [5, с. 122]. Слова, являющиеся репрезентантами этих концептов (конкретные существительные), обычно не имеют антонимов, хотя в определённом контексте индивидуально-авторское, окказиональное противопоставление может иметь место. Однако это не означает, что данные слова и объективируемые ими концепты выпадают из системы языкового мышления. Иногда «узловой точкой» системных отношений языка становится не пара слов, а одно слово, внутри которого можно наблюдать своего рода динамику, семантическую градуальность.

В языковом сознании представителей определённой лингвокультуры концепты образуют упорядоченную совокупность, называемую концептосферой. Наряду с сопоставлением национальных концептосфер между собой, представляет интерес сопоставление групповых и индивидуальных концептосфер с национальной концептосферой, групповых концептосфер с индивидуальными, групповых и индивидуальных концептосфер друг с другом. Интерпретационным полем для подобной работы могут служить произведения национальных писателей, в творчестве которых с наибольшей полнотой и достоверностью отражаются значимые признаки концепта. Выбор окружения номинанта концепта, специфика употребления соответствующей лексемы не случайны, а культурно обусловлены, поэтому исследование дискурсивных практик позволяет реконструировать концепт через актуализацию его признаков в языке.

Однако при этом следует учитывать, что концепт как элемент концептосферы может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может воплощаться на основе альтернативных знаковых систем, таких, как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.

В современной гуманитарной науке, при устойчивом интересе к наследию усадебной культуры, любопытным является тот факт, что, несмотря её на очевидную «визуальность», «материальность» (дом, сад, обстановка), феномен усадьбы широко исследуется в рамках филологической науки на материалах художественных литературных текстов. Следовательно, есть основания полагать, что одной из важнейших состав-

ляющих феномена дворянской усадьбы является её особая духовная атмосфера, получающая наилучшее отражение в произведениях национального языка и обращённая напрямую к национальной ментальности. Мы считаем, что такая особенность усадебного феномена позволяет рассматривать его через призму когнитивной лингвистики.

При рассмотрении концептосферы английской усадьбы можно условно разделить составляющие её отдельные концепты на две группы: «материальные» (предметы, являющиеся неотъемлемой частью обстановки поместья) и «ценностные» (сфера отношений)

Классические образцы «усадебной прозы» относятся к XIX веку, который был «материальным» веком. Материальное становилось идеалом, красотой, поэзией. Мир был наполнен вещами, а деньги являли собой основное мерило всех вещей. Аристократизм понимался как виртуозная культура внутренней и внешней жизни, и вещи начали выражать своих владельцев. Накопление эстетических богатств и восхищение ими постепенно стало самоцелью. «Вещный мир» уже не выражает, а замещает человека. Будучи пресыщены собственным домом, хозяева уже не могут вдохнуть в него жизнь, придать ему индивидуальный характер.

Таким образом, со временем происходит смещение акцентов. В позднейших произведениях на первый план выходит масса «типичных» для английского поместья предметов и деталей, которые уже являются своеобразной «торговой маркой», и даже отношения становятся едва ли не театральными, пытаясь соответствовать существующим представлениям о жизни в «настоящей английской усадьбе». Не обязательно описывать вещи в таком доме, достаточно их просто назвать: ‘Chippendale fretwork’, ‘Chinese drawing’, ‘painted paper’, ‘tapestry-hung hall’, ‘cucumber sandwich’, ‘silver cream-jug’, ‘English girl <...> in flowered muslin’ – чтобы воскресить в памяти узнаваемую концептосферу. Опасность, однако, состоит в том, что истинно характерные, индивидуальные и тем ценные черты превращаются в «обаяние» (‘charm is the great English blight’), становятся чисто внешними атрибутами.

Происходит словно бы «умаление», «сжатие» и дальнейшее «перевёртывание» означаемого и означающего. В романе А. Мёрдок «Дикая роза» (‘An Unofficial Rose’, 1962) австралийский кузен приезжает в гости к родственникам в их английскую усадьбу. Хозяева считают, что мальчик в восторге, что ‘our chaos is ceremony to him’ («для него наш хаос – придворный этикет») и что он находит Грейхеллок ‘terribly romantic’ («до крайности романтичным»), однако у Пенна несколько иное мнение, если не сказать противоположное: ‘...he would be sorry to go home without having seen a bit more of England. But he was depressed by the countryside which they all thought so pretty, and constantly exclaimed about instead of taking it for granted. He disliked its smallness, its picturesqueness, its outrageous greenness, its beastly wetness’ («...жалко будет уехать, почти не повидав Англии. Но его угнетал окружающий пейзаж, который они считали таким красивым, которым постоянно восхищались вслух, вместо того, чтобы принимать его как долж-

ное. Ему не нравилось, что всё тут такое маленькое, картинное, кричаще зелёное, противно мокрое» [перевод М. Лорие]. ‘Smallness’ («крохотность»), ‘picturesqueness’ («живописность»), ‘greenness’ («зелень»), ‘wetness’ («влажность») изначально не несут никакой коннотативной окраски, а просто отражают самую жизнь здесь, проникают в сознание и становятся необходимыми категориями мысли. Эти черты возможно считать составляющими концептосферы английского поместья, что подчеркнуто их формулированием в виде абстрактных существительных. Эти детали возникают в сознании всякий раз при упоминании Англии и «английского», повторяются, накапливаются, из естественных становятся типическими и наконец превращаются в раздражающие. Романы на полке в комнате Стива (английского кузена Пенна, заочно обожаемого им) ‘*looked dull English tearparty stuff*’ («скучные, всё про английскую семейную жизнь»). То есть «вечерний чай» (‘tearparty’) не является уже атрибутом английского уклада, а вся жизнь в большом поместье низводится до уровня «вечернего чая», который, в свою очередь, возводится до концептуального уровня. При этом каких-либо новых объектов, способных заместить опошлившиеся реалии, нет.

Пенн оказывается в пространстве, которое одновременно и является, и не является тем, чем кажется. Границы между реальностью и её «отражениями» размыты даже для постоянно живущих там людей, и они перестают понимать сами себя, теряют собственные точки отсчёта, обыденное превращается в зловещее, привычное – в потустороннее; это можно сравнить с эхом, отдающимся в коридорах старого дома.

Такой тип отношений представляет собой корреляцию иного рода, нежели корреляция «концепт-антиконцепт». Мы полагаем, что для определения данного феномена на нынешнем этапе целесообразно обратиться к научной метафоре. По Х. Ортеге-и-Гассету, «метафора – незаменимое орудие разума, форма научного мышления» [7]. Метафора напрямую указывает на связь нового объекта с тем, что нам уже известно из нашего опыта, и соединяет не идентичные, а лишь схожие в каком-то аспекте явления. Роль метафоры в понимании нового основана на механизме работы человеческой памяти: ассоциации, заложенные в самой природе механизмов нашей памяти, позволяют человеку соотносить различные впечатления, выявлять их общие черты, а значит, использовать прошлый опыт как основу для толкования настоящего. «Тем самым термин получает новый смысловой оттенок, опираясь на прежние и не отбрасывая их» [7].

Термины метафорического типа отвечают таким требованиям, как краткость, мотивированность (прозрачность внутренней формы) и простота. Кроме того, в уже существующих исследованиях нередко можно встретить определение термина «концепт» посредством различных когнитивных метафор. Это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловый квант бытия», и «ген культуры» (С. Х. Ляпин), и «некая потенция значения» (Д. С. Лихачев), и «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов), и «эмбрион мыслительной операции» (С. А. Аскольдов).

Основным вопросом, определяющим деятельность и результаты всех наук, остаётся вопрос о глубинном, первоосновном устройстве окружающего мира и месте человека в этом мире. Наука, изучающая наиболее общие и фундаментальные закономерности, определяющие структуру и эволюцию мироздания, – это физика, первоначально бывшая частью философии. В свою очередь, законы физики лежат в основе всего естествознания, а развитие языка составляет часть естественной истории человечества. Мы полагаем, что именно среди понятий физической науки мы можем найти то, которое поможет нам определить описанную выше динамическую корреляцию, а именно – явление эха. В физике это явление описывается как «отражение... звука от различных препятствий... воспринимаемое наблюдателем» [1]. В своём первичном значении относящийся к области акустики, этот термин метафорически применяется в астрономии (световое эхо), радиофизике (мировое эхо, long delayed echo), программировании, шахматной терминологии. Все эти применения термина в порой совсем несхожих областях объединяет идея воспроизведения (полностью или частично) некоего стимула по прошествии определённого времени. Данная идея как раз отвечает результатам наших наблюдений.

Несмотря на отсутствие единого определения концепта, налицо принципиальное сходство в понимании его структуры. Большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки. С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [2, с. 7]. В. И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [5, с. 118]. Сделанные нами наблюдения позволяют говорить не о полном преобразовании исходных концептов, составляющих концептосферу УСАДЬБА, либо появлении новых взамен утративших актуальность, а о трансформации лишь одного компонента, а именно – ценностного (по терминологии В. И. Карасика). Остальные составляющие не изменяются, сохраняется также и лексическая репрезентация концепта (см. выше пример с ‘tearparty’). Выявленные черты согласуются с представлением о гибкости внутренней структуры концепта, обусловленной его связью с активной динамической ролью концепта в процессе мышления [10, с. 58], однако мы считаем возможным говорить не просто о внутренней динамике, но именно о паре «концепт – антиконцепт». Если корреляция «концепт – антиконцепт» предполагает одновременное наличие в языковом сознании двух концептов, базовые признаки которых включены в «одни и те же понятийные, ценностные, образные сферы при одновременной внутренней оппозитивности данных признаков» [6, с. 50], причём выбор члена коррелятивной пары, маркируемого аф-

фиксоидом *анти-*, в принципе зависит от избранного направления исследования, то в случае с парой «концепт – эхо-концепт» мы имеем дело с отношениями линейного характера: эхо-концепт развивается из концепта, при этом первичный образ также остаётся в сознании языковой личности. Именно сопоставление с эталонным образом и создаёт эффект «эха». В паре «концепт – эхо-концепт» концепт является определяющим элементом, в то время как для пары «концепт – антиконцепт» эту функцию выполняет метаконцепт [6, с. 35].

Итак, для обозначения концептов с переосмысленным ценностным компонентом мы будем применять термин «эхо-концепт». В содержание этого термина мы вкладываем сохранение формы лексической репрезентации концепта при динамике его содержания. На наш взгляд, представляет интерес дальнейшее изучение структурных особенностей данной разновидности концепта и его соотношения с другими концептуальными феноменами.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Большая советская энциклопедия. – 2-е изд.
2. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Гуреева, Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте объекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Гуреева. – Челябинск, 2007. – 22 с.
4. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Ларина, М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR): дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Ларина. – Новокузнецк, 2011. – 180 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://metaphor.narod.ru/gasset_two.htm (дата обращения: 21.05.2012).
8. Сорокин, Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» / Ю. А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Международного симпозиума. – Волгоград, 2003. – Ч. 1.
9. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
10. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под. ред. И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.
11. Murdock, I. An Unofficial Rose / I. Murdock. – Vintage, 2000.

Информация об авторе:

Рябцева Мария Александровна – ассистентка кафедры английского языка и методики преподавания КузГПА, аспирант КузГПА, +79236344003, X-stichress@ya.ru.

Ryabtseva Maria Aleksandrovna – assistant lecturer at the English Language and Teaching Methodology Department of Kusbass State Pedagogical Academy, post-graduate student at KuzSPA.